

АЛЕКСАНДР Михайлович Гликеберг (1880—1932) или как он был более известен — Саша Черный — родился в Одессе, учился в Житомире, затем перебрался в Петербург. Первые же стихи молодого поэта обратили на себя внимание читателей своей сатирической едкостью. Остроумно и беспощадно высмеивал он царских сановников, их жестокость и недалекость. А когда волна первой русской революции пошла на спад, сатирик повел огонь на отступнические настроения, бездумное поведение, фанфаронство, узость интересов — весь «спектр» настроений попутчиков революции, столь характерный для периода столыпинской реакции.

Ряд его стихотворений тематически и описательно связан с курортными местами побережья Финского залива и Финляндии. С именем Саши Черного связано едва ли не первое упоминание о Зеленогорске (в то время Териоки) в русской литературе.

Достаточно широко было известно в тогдашнем Петербурге, что курортные места за рекой Сестрой, входившие тогда в состав так называемого Великого княжества Финляндского, были не только местом отдыха и развлечений петербургской публики, но и местом, где велась политическая деятельность, где легче было, пользуясь особенностями автономной Финляндии, укрыться от преследований полиции.

Для некоторой части интеллигенции поездка в Финляндию была связана с налетом некоей оппозиционности. Поэтому не случайно для характеристики псевдореволюционера в стихотворении «Анархист» (1908 г.) Саша Черный выбирает Териоки:

*«Жил на свете анархист,
Красил бороду и щеки,
Ездил к немке в Териоки...»*

«Но, с другой стороны, — вспоминал позднее, знавший в ту пору поэта-сатирика, Корней Иванович Чуковский, — он и сам в ту пору не раз поддавался соблазнам... мрачного восприятия жизни. Это стало мне особенно ясно после одного памятного свидания с ним. Как-то зимою в морозный и ветренный день он, возвращаясь в Питер после поездки в Финляндию, иззябший, усталый и как будто больной, заехал ко мне в Куоккалу и, греясь у печки, признался, что водопад Иматра нагнал на него смертельную скуку... Вскоре он недвусмысленно выразил те же самые чувства в стихах...»

Это стихотворение «Из Финляндии» (1910 г.).

Иматра была модным местом, куда многие ездил из Петербурга (в том числе и И. Бунин) по же-

лезной дороге на Выборг. И в стихотворении «Из Финляндии» поэт продолжает сатирическую традицию Салтыкова-Щедрина, высмеивавшего скупых петербургских дачники.

Далее следует диалог со знаменитым водопадом:

*«Был на Иматре, — так надо:
Видел глупый водопад.*

*Постоял у водопада
И, озлясь, пошел назад.*

*Конечно, прекрасно
молчанье финнов и финок,
И сосен, и финских лошадок,
и неба, и скал.*

*Но в городе я намолчался
по горло, как иннок.*

*И здесь я и бури,
и вольного ветра искал.*

*Над нетронутым компотом
Я грузил за таблодотом:*

*Все развезались давно.
Что мне делать — я не знаю.*

*Сплю, читаю, ем, гуляю:
Здесь иль город — все равно».*

САША ЧЁРНЫЙ НА БЕРЕГАХ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Это не просто стихотворение о неудачном отдыхе и плохом настроении. Репутация Финляндии как вольной страны оказывается иллюзией — во всяком случае лирический герой не чувствует разницы между Петербургом и курортом.

«Курортная тема» в творчестве Саши Черного того времени — достаточно заметна.

Вот какими словами он исхлестал, например, престарелых мещанок, съехавшихся на модный курорт:

*Навстречу старухи,
мордатые, злобные,*

*Волочат в песке
одеянья суконные,*

*Отвратительно старые
и отвисло утробные*

*Ползут и ползут,
словно оводы сонные.*

«...Вспоминаю, что Маяковский (позднее, в девятьсот пятнадцатом году) повторял эти стихи наизусть, не оттого ли, что учуял в них свое — свою манеру обличать и ненавидеть», — писал К. Чуковский.

Тогда же, в 1915 году, когда Маяковский жил в Куоккале, Чуковский услышал и другое стихотворение Саши Черного, которое чи-

тал Владимир Владимирович — «Мясо»: «Я и сейчас, когда перечитываю стихи Саши Черного, слышу громяющий бас Маяковского, произносящего их с суровой гадливостью:

*В лакированных копытах
Ржут пажы и роют гравий,
Изебивая, как лоза, —
На раскормленных досыта
Содержанок в модной славе,
Щуря сальные глаза».*

И хотя оба приводимых здесь стихотворения написаны о другом курорте, Маяковский недаром прочитал их в Куоккале: предмет изборождения был тот же.

Современник Саши Черного, поэт Игорь Северянин писал о курортах иначе, манерно, «эстетно»:

*«Это было у моря,
где ажурная пена,
Где встречается редко
городской экипаж.*

*Королева играла
в башне замка Шопена,
И, внимая Шопену,
полюбил ее паж».*

И «королева», и «паж», и «башня замка» — всего лишь «красивые», лстящие вкусу обывателя образы-наклейки. У Саши Черного тоже есть чувство красоты, но не менее остра у него и реакция на пошлость. И столкновение подлинной красоты природы с мещанским бытом приводит, подчас, к комическим эффектам:

*«У берега моря кофейня.
Как вкусен густой шоколад!*

*Лиловая жирная дама
глядит у воды на закат.*

*«Мадам, отодвиньте немножко!
Подвиньте ваш грузный баркас.*

*Вы задом заставили солнце,
а солнце прекраснее вас...».*

(«Из «шмецких» воспоминаний»).

СПРАВЕДЛИВОСТИ ради стоит отметить, что как раз в «приморских» стихах Саши Черного больше всего бодрых врачек: «О, море, верней валерьяны врачует от от скорби и зла...», — восклицает он в том же стихотворении. Стоит также привести строки из цикла «У Балтийского моря»:

*«Видно, север стокосался
По горячим южным краскам —
Не узнать сегодня моря,
не узнать сегодня волн...»*

*Зной над морем разметался,
И под солнечною лаской
Весь залив до горизонта
синевой прозрачной полн.*

*На песке краснеют ивы,
Греют листья, греют прутья,
И песок такой горячий,
золотистый, молодой!*

*В небе облачные нивы
На безбрежном перепутье
Собрались и янтартятся
над широкою водой».*